

ГЛЕБ ПЕТРОВИЧ ПИЛИПЕНКО

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ЛАТГАЛИИ

COBISS: 1.01

Kodno preklapljanje v ruskem jeziku starovercev Latgalije (Latvija)

Prispevek obravnava strategije kodnega preklapljanja v ruskem jeziku starovercev v Latgaliji (Latvija). Ta pojav v korpusu govornih besedil, ki je bil zbran v času terenske raziskave leta 2016, ni prav razširjen. Kodno preklapljanje se najpogosteje uporablja pri navajanju tujega ali lastnega govora v latvijščini. Pri citiranju se pojavljajo različne jezikovnopragmatične strategije. Kodno preklapljanje je povezano z identiteto govorcev. V prispevku je predstavljena primerjava kodnega preklapljanja v jeziku starovercev Latgalije s kodnim preklapljanjem Slovencev na Tržaškem.

Ključne besede: ruski jezik, staroverci, kodno preklapljanje, identiteta, slovenski jezik

Code-Switching in Russian by Old Believers in Latgale (Latvia)

This article presents code-switching strategies in Russian among Old Believers in Latgale (Latvia). This phenomenon is not very widespread in the corpus of spoken texts that was collected during field research in 2016. The most often registered case of code-switching occurs when quoting other speakers or one's own speech in Latvian. Various linguistic and pragmatic strategies appear in such quotations. Code-switching is linked with speakers' identity. The article compares code-switching in the language of Old Believers in Latgale with code-switching among Slovenians living in the Trieste area.

Keywords: Russian, Old Believers, code-switching, identity, Slovenian

- 1 Феномены переключения кода в мультиэтнических сообществах широко исследуются в современной лингвистике.¹ В настоящей статье рассматривается практика переключения кода при цитации прямой речи у старообрядцев Латгалии (Латвия), этноконфессиональной группы, представители которой проживают в регионе с конца XVII века (подробнее об истории их поселения см. Заварина 1986). Латгалия – исторический регион Латвии, отличающийся пестрым этническим и конфессиональным составом населения, что способствует этнокультурным контактам: здесь проживают представители балтийских (латвийцы, латгальцы) и славянских (русские, белорусы, поляки) народов. С конфессиональной точки зрения представлены православные, католики, старообрядцы, в меньшей степени лютеране, до второй мировой

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

1 Более подробно об истории изучения переключения кода (code-switching) см. Lüdi 2004; Auer 1999.

войны – также иудеи. В структуре населения преобладает русскоязычное население, однако в отличие от остальной территории Латвийской республики русские здесь проживают также и в сельской местности. Значительную часть русскоязычного населения, особенно в деревнях латгальского региона, составляют старообрядцы. Культурное своеобразие региона определяется его исторической судьбой: Латгалия была частью польского государства – Речи Посполитой – поэтому большинство автохтонного населения исповедует католицизм, в отличие от остальной части Латвии, где латыши придерживаются лютеранского вероисповедания. Старообрядцы в Латвии относятся к беспоповцам поморского согласия.

1.1 Языковую ситуацию в Латгалии характеризуют данные переписи населения 2011 г.² По этим данным доля латышей в крае составляла 46 % (по Латвии 62,1 %). В Зилупском и Даугавпилсском краях, относящихся к Латгалии (приграничные края с Россией и Белоруссией соответственно), доля латышей одна из самых низких по стране – 25,3 % и 34,7 %. По такому показателю как использование языка в домашнем общении доля русского языка в Латгалии составляет 60,3 %, латышского (латгальского) – 39 %. Для Латгалии характерно сосуществование и взаимодействие языков – прежде всего латышского, официального языка, латгальского³ и русского, не имеющего официального статуса. Подробному анализу языковой ситуации в Латвии в синхронии и диахронии посвящена работа (Metuzāle-Kangere – Ozolins 2005). В статьях (Kļave 2011; Priedīte 2005; Волков 2016) исследователи пишут о языковой ситуации, при этом делают акцент на идентичности национальных меньшинств.

1.2 Старообрядцы составляли и продолжают составлять значительную группу населения края,⁴ старообрядческая община весьма влиятельна, о чем можно судить по архитектурному ландшафту края – во многих поселениях построены молельные дома старообрядцев – *моленные*, являющиеся неотъемлемой частью латгальской среды. Говоры старообрядцев Латгалии достаточно хорошо изучены, имеется богатая литература по данной проблематике.⁵ Вместе с тем вопросы межъязыкового взаимодействия (в том числе по линии: латышский (латгальский) – русский язык) остаются недостаточно разрабо-

2 Приведены данные по Iedzīvotāju 2016: 94–118.

3 В законе Латвийской республики о языке (Valsts valodas likums) (3.4.) указано, что латгальский письменный язык является исторической разновидностью латышского языка (Valsts nodrošina latgāliešu rakstu valodas kā vēsturiska latviešu valodas paveida saglabāšanu, aizsardzību un attīstību) (<http://likumi.lv/doc.php?id=14740> (14.07.2016)). Более подробно о статусе латгальского языке см. Брейдак 2006.

4 Староверы в 1935 году составляли 13,85 % всего населения Латгалии (Skrūjenieks 1938: 8).

5 См. прежде всего работы Немченко – Синицина – Мурникова 1963; Šekmonas 2001; Королёва 1998; 2006.

танными. Так, В. Чекмонас утверждает, что в говорах местного населения нет таких слов, которые могли бы рассматриваться как прямые заимствования из русского языка, а перенятые русскими говорами старообрядцев лексические единицы могли прийти из местных говоров польского языка (Čekmonas 2001: 131). По всей видимости, это объясняется тем, что билингвизм не был достаточно распространен в старообрядческой среде (Čekmonas 2001: 130), что соответствовало этическим принципам этой этноконфессиональной группы: поддерживать собственную идентичность, сохраняя язык и веру, и не смешиваться с местным населением. Известно, что старообрядцы основывали поселения в отдаленных местах. Естественно, что за последнее время языковая ситуация сильно изменилась и изолированность старообрядцев постепенно размывается.

1.3 Обращает на себя внимание тот факт, что по латышско-русскому переключению кода сравнительно мало исследований, это особенно заметно на фоне опыта соседних стран.⁶ Подробного анализа фактов кодового переключения мы не находим, что, в частности, отмечено в работе (Hogan-Brun и др. 2008). Имеющиеся исследования невелики по объему (Poriņa 2001), в них приводятся только случаи прямого заимствования или калькирования (Клочко – Лигута 2004), приводятся отрывочные фрагменты общения в сфере обслуживания в Риге – в аптеке и интернет-кафе (Nau 2003), что не позволяет всесторонне проанализировать эти контактные явления. Внимание исследователей концентрируется больше на всей русскоязычной общине, тогда как специфика речи старообрядцев с точки зрения переключения кода не рассматривается, как это делается, например, в статье о переключении кода в языке польских старообрядцев (Głuszkowski 2015). Настоящая статья восполняет пробелы в данной проблематике.

1.4 Материалом для статьи послужили устные полуструктурированные интервью, записанные во время экспедиции летом 2016 г. Команда исследователей состояла из сотрудников Института славяноведения РАН А. А. Плотниковой, Т. С. Ганенковой и Г. П. Пилипенко. Задачей исследователей было получить нарративы на этнолингвистические и социолингвистические темы. Всего опрошено 45 информантов в возрасте от 23 до 95 лет, собран богатый аудио-, видео- и фотоматериал.⁷ Подробнее об экспедиции см. Ганенкова (в печати);

6 См., напр. работы по русско-эстонскому кодовому переключению: Verschik 2005; Zabrodskaja 2009; Костанди – Кюльмоя 2013.

7 Благодарность за проведение экспедиции исследователи выражают декану Гуманитарного факультета Даугавпилсского университета д-р. Элине Васильевой, хранителю собрания Науенского краеведческого музея Владиславу Иванову, директору Прейльского музея истории и прикладного искусства Текле Бекеше, специалисту Прейльского музея истории и прикладного искусства Вадиму Максиму, а также председателю Славянского культурно-просветительского общества Прейльского края Татьяне Колосовой.

Пилипенко 2016; Плотникова 2016. В настоящей статье анализируются нарративы из Даугавпилсского края и города Даугавпилс.⁸ Основное внимание было уделено фиксации речи старообрядческого населения, тем не менее среди информантов было также некоторое количество представителей других национальностей и вероисповеданий, говорящих по-русски (напр., поляки, а также информанты из смешанных польско-русских (старообрядческих) семей, польско-латышских и т.д.). Были отобраны случаи переключения кода в устной речи старообрядцев, что, по нашему опыту, весьма распространено в этнически смешанных ситуациях, особенно – в миноритарных языках. В статье рассматривается особый тип переключения кода – цитации, т.е. случаи передачи чужой или собственной речи.

- 2 Инкорпорация иноязычных элементов и переключение кода – естественный процесс для любой ситуации билингвизма (Белл 1980: 189). Явление переключения кода тесно связано с такими феноменами как заимствование, интерференция, билингвизм,⁹ при этом не всегда может быть понятно отличие заимствования от фактов единичного кодового переключения. Считается, что переключение кода основано на определенных закономерностях (Lüdi 2004: 341). При переключении кода билингвами происходит акцентуация высказывания: «то, чего монолингвы добиваются, повторяя громче и/или медленнее, или изменяя порядок слов, билингвы добиваются при помощи переключения кода» (Zentella 1997: 293). Это явление изучается как в рамках чистой лингвистики, так и в рамках лингвопрагматики. П. Ауэр утверждает, что кодовое переключение предполагает свободу говорящего, и является средством контекстуализации, которое может быть творчески использовано участниками коммуникативной ситуации (Auer 1999: 329). В связи с переключением кода ученые обращают внимание на связь этого лингвистического феномена с идентичностью (Petrović 2009: 145; Lüdi 2004: 345). Поскольку единицы из другого языка недоступны для понимания людям «извне», то при их использовании происходит актуализация собственной идентичности, которая включает только членов общины и исключает как представителей другой этнической группы, так и соотечественников из метрополии или из других стран. Случаи метаязыковых комментариев по поводу привнесенных элементов призваны раскрыть идентичность говорящих перед исследователем, объяснить стратегии подобного речевого поведения.

А. Берегсаси отмечает, что у закарпатских венгров переключение кода чаще всего происходит именно при цитировании (Beregszászi 2004: 36–37). М. Илич говорит, что цитация прямой речи является переключением кода

8 Объем расшифрованных аудиозаписей составил 183.720 слов, что свидетельствует о репрезентативности анализируемого корпуса. Тексты, которые используются в данной статье, расшифровывали участники экспедиции Г. П. Пилипенко и Т. С. Ганенкова.

9 Более подробно об этом см. Lüdi 2004; Пилипенко 2010.

и служит для акцентирования и легитимизации высказывания (Pić 2014: 185). В своем исследовании дискурса сербов в Венгрии автор пишет, что цитации на венгерском языке информантов-сербов обычно сопровождаются переводом на сербский. Н. К. Дориан, напротив, рассматривая ситуацию англо-гэльских билингвов, утверждает, что английские цитации, реплики даже тех лиц, кто не говорит по-гэльски, чаще всего приводятся на гэльском без перевода (Dorian 1997: 41), в результате чего в нарративах становится невозможным отличить англоязычного монолингва от англо-гэльского билингва. Т. М. Николаева пишет о «чуждом» характере подобного рода феноменов в речи (2012: 219):

Включенная речь, чужая – это и буквально чужая речь, вставляемая в текст сознательно, иноязычные инкорпорирования могут переводиться, толковаться, или вводиться без перевода. (Николаева 2012: 232)

3 Как следует из анализа полуструктурированных интервью, проведенных со старообрядцами на этно- и социолингвистические темы, переключение кода в речи информантов нечастое явление.¹⁰ Это заметно отличает исследуемую языковую ситуацию от других известных нам контактных случаев (например, речь словенцев, проживающих в Италии, речь украинских, польских и хорватских переселенцев в Аргентине, речь украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине и т.д.).¹¹ Безусловно, многое зависит от таких социолингвистических переменных как этническое окружение, язык обучения,

10 Из последних изданных работ, в которых приводятся нарративы на русском языке из Латвии, следует упомянуть сборник «Утраченное соседство» (Амосова 2013). Большая часть книги состоит из расшифровок интервью, посвященных межэтническому соседству в Латгалии, при этом особый акцент делается на восприятии еврейского населения, а среди информантов были также старообрядцы. В этой работе нами было обнаружено всего несколько случаев переключения кода с русского на латышский, в том числе случаи цитации (напр. [3]): [1] Инф.: ... вот у вас пишут там [показывает книгу], что четыре синагоги было, а я знаю только две синагоги, в которых я была. Соб.: А какие? Инф.: Одна на Бривибас улице вот kur tās dzelžu veikalš (где этот магазин железных изделий) (Амосова 2013: 108); [2] Инф.: Еврейчик всегда сидел за столом, отдельно и свои молитвы читал. Pašlaik domāju, kā ir poteri (сейчас думаю, что такое poteri) (Амосова 2013: 188); [3] Инф.: Так вот, когда этот латгалец приехал, ну что ж, шляпу надо купить. Ну а шляпы – такие котелки, cik maksā (сколько стоит) – 10 лат (Амосова 2013: 293). Однако необходимо отметить, что при изучении особенностей переключения кода чужие записи, расшифровки, ограничивают другого исследователя при проведении анализа, поскольку необходимо знание контекста высказывания, проведения беседы. Кроме того сделанные расшифровки не всегда подходят для выявления контактных фактов и закономерностей, ведь необходима подробная фиксация. В приводимом сборнике не преследовались лингвистические цели, данное исследование можно назвать историко-антропологическим. Что касается анализа приведенных высказываний, то, в первом примере мы видим, что среди собирателей присутствуют двое исследователей из Латвии и один из России, поэтому кодовое переключение могло быть направлено на тех, кто владеет латышским. Однако более подробный анализ затруднен по выше приведенным причинам.

11 Все приведенные случаи изучались автором статьи в полевых условиях.

процентное соотношение использования языков в течение дня. Немногочисленность исследуемых контактных явлений обуславливается несколькими факторами, ключевым из которых является историческая судьба Латвии и латгальского края в частности. Кроме того, нельзя отрицать влияние русского языка и его этнолингвистическую витальность в Латгалии на современном этапе, поскольку, как было отмечено выше, 60,3 % используют русский язык при домашнем общении. Не менее важным является и географическое расположение Латгалии на границе с Россией (Псковская область) и Белоруссией (Витебская область). Вероятно, все эти факторы по совокупности и влияют на устойчивые позиции русского языка в регионе. Тем не менее роль государственного языка в Латвии постоянно повышается. Это отражается в выборе школ с латышским языком обучения для русскоязычных детей, а также в увеличении количества часов преподавания на латышском в русских школах, что ведет к увеличению знания латышского языка среди молодежи (Hogan-Brun и др. 2008: 136–137). Очевидно, и при трудоустройстве требуется знание государственного языка, что повышает мотивацию молодого поколения при его изучении.

3.1 Что касается среднего и старшего поколения, то уровень владения латышским языком у многих является низким,¹² что в целом отражает языковую ситуацию второй половины XX века. Наши собеседники характеризовали собственную языковую компетенцию следующим образом. Приведем высказывания, записанные в Даугавпилсском крае:¹³

- [1] *Ну понимаю, но разговаривать я не могу, понимать я понимаю всё, а разговаривать я не ... у нас все, все русские были кругом, вот поэтому, и школа русская, а уроки только два было в неделю, латышского ... в семье тоже по-русски, так всё по-русски ...* (Даугавпилс)
- [2] *Все разговаривали на русском, естественно язык не знали, ну а что два раза? что так? стихотворение вывчать там какое-то и прочесть, ну прочесть все мы прочитаем, ну.* (Бикерниекская волость)¹⁴
- [3] *Я не, я, учили, с четвёртого класса учили латышский язык, мы не знаем.* (Малиновская волость)
- [4] *Я чисто латышский язык, чисто латышский язык, я понимаю, вот, понимаю, в меру того, какие знания мне давались раньше в школе, а в школе у нас, здесь была вот ... школа, ичас, старая была школа, а ичас у нас новая, в нас был один урок, э, в неделю, что это могло давать? Но я все равно, для меня, это я сейчас могу даже понять, кто, что*

12 Однако собственная оценка языковой компетенции часто может не совпадать с ожиданиями исследователей, даже в том случае, когда информант заявляет, что не может говорить на языке. См. также Синочкина 2004: 79–80.

13 Все приведенные фрагменты высказываний не представляют собой фонетическую транскрипцию, не фиксируются степени редукции. Отражаются основные фонетические черты местных русских говоров: наличие *ÿ* – билабиального *w*, яканье, твёрдое произношение *ч* и *ш* передается использованием букв *ы*, *э*.

14 Волость (латыш. *pagasts*) – современная единица административно-территориального деления Латвии.

говорят латыши, и сама могу задать вопросы, и что-то могу сказать. (Скрудалиенская волость)

- [5] *Латышский, ой, ну это было давно уже, так, как и всегда, как и в то время как бы, это ж советское время было ... мы изучали в школе, тоже да, у нас был латышский язык, я в институте изучала язык и госэкзамен сдавала, но уже более углубленно я его изучила уже потом когда мне необходимо было общаться, и, я, по сути, я сама выучила язык.* (Вишкская волость)

Из данных нарративов видно, что латышский язык (*латысский* – в речи представителей старшего поколения) не изучался в школах на должном уровне (*урока только два было в неделю* [1], *в нас был один урок, э, в неделю* [4]) отмечен низкий уровень преподавания и отсутствие строгих требований учителей к этому предмету.¹⁵ Дополнительным фактором является этнодемографическая ситуация в Даугавпилсском крае: большинство информантов говорят о преимущественно русском окружении. Подобные свидетельства находим также у (Kļave 2011: 55). Как результат, владение этим языком оценивается весьма скромно (*что-то могу сказать* [4], *мы не знаем* [3], *разговаривать я не могу* [1], *естественно язык не знали* [2]), если и заявляют о владении языком, то чаще всего подчеркивается перцептивная сторона языковой компетенции (чтение, понимание), а не репродуктивная. Эта ситуация естественным образом находит свое отражение в цифрах переписей. Так, по переписи 2011 году русский язык в качестве языка домашнего общения в Даугавпилсе использовали 78,9 % жителей, в Резекне – 56,8 %. Русскоязычное население компактно проживает также в сельской местности, образуя своеобразные анклавы среди латышского (латгальского) населения. Таким образом, языковая ситуация в Латгалии среди русскоязычного населения не способствовала развитию билингвизма. Тем не менее, несмотря на доминантную позицию русского языка в регионе, в корпусе собранных нами текстов обнаружены примеры, свидетельствующие о языковых контактах.¹⁶

3.1.1 Прежде чем перейти к анализу примеров, необходимо отметить один существенный момент. Представляется, что факты переключения кода являются более органичными в повседневных ситуациях, когда отсутствует необходимость общения с исследователями. Важным обстоятельством является и то, что исследователи не принадлежат к изучаемой общине, являются сторонними наблюдателями речевых практик, помимо прочего – являются гражданами другой страны. В таких условиях активизируется оппозиция

15 Исследования по языковой компетенции в латышском языке русскоязычных показали, что выше всего информантами оценивается способность чтения, чем продуцирования текстов – говорение, что, по мнению авторов, отражает ситуацию, в которой язык изучался больше в школах, чем в реальных ситуациях общения (Hogan-Brun и др. 2008: 138).

16 Информанты, от которых записаны примеры кодового переключения, проживают в русскоязычном окружении (с русскоязычным партнером по браку).

«своей-чужой», которая может проявляться как в использовании контактных феноменов, так и в метаязыковых комментариях.¹⁷

3.2 Наиболее типичным примером переключения кода в русской речи старообрядцев Латгалии, реализуемым во время полуструктурированного интервью, являются «цитации». Обычно цитируется прямая речь третьих лиц либо приводятся слова информанта, когда он сам говорил по-латышски. Ниже рассматриваются случаи переключения кода при цитировании на материале корпуса текстов, собранного в ходе полевого исследования. Анализ всех записанных примеров подтверждает мнение П. Ауэра, который утверждал, что необходимо знание конкретной ситуации проведения беседы, экстралингвистических фактов для адекватного анализа подобного явления (Auer 1998: 154). Кроме того, мы согласны с утверждением М. Глушковского, исследовавшего устную речь старообрядцев в Польше, что кодовое переключение имеет ситуативный, контекстуальный и индивидуальный характер (Głuszkowski 2015: 168). Поэтому каждый фрагмент анализируется отдельно.

3.2.1 Приведем примеры высказываний, содержащие переключение кода:

[6] *Я не знаю откуда, э, я гру, а я спрашиваю на чисто русском, я гру: – Где находится магазин запчастей для трактора? – Es nezīnu,¹⁸ а я гру: – А kāpēc tu nezīnu? Lūdzu, pastāsti man, kur atrodas veikals,¹⁹ ну, заулыбался! сразу показал где и всё части, вот, вот такая вот, э, манера, немножко мне не нравится, не нравится, но, потому что я к нему со всей душой, я не знаю, во-первых, на каком человек говорит языке, но если я тебе обратилась на русском, ты хоть на каком-то ломаном скажи: – Es ne varu Jums ee ... pareizi, teikt,²⁰ вот, ну и, а тада (смех), вотизм, всяких казусоу у меня бывает (смех). (Скрудалиненская волость)*

Перед тем как рассказать эту историю, информант говорит о своей языковой компетенции в латышском языке и об использовании языков в разных сферах общения. В приводимом высказывании описана ситуация непонимания, коммуникативной неудачи между информантом и прохожим, который на заданный вопрос не отвечает по-русски. Тогда информант переходит на латышский и повторяет свой вопрос, что вызывает одобрительную реакцию собеседника, который помогает найти магазин запчастей. После рассказанной истории следует комментарий информанта этой

17 В зависимости от того, своим или чужим для информатора является исследователь, может формироваться структура рассказа, количество и характер метаязыковых вставок (Гриценко 2003: VII).

18 *Я не знаю* (латыш.).

19 *А почему ты, не знаю? Пожалуйста, расскажи мне, где находится магазин?* (латыш.) По всей видимости, вместо формы *nezīnu* (1 л. ед.ч.) следовало употребить форму *nezīni* (2 л. ед.ч.). Здесь может быть либо повтор реплики собеседника для усиления эффекта акцентуации факта незнания, либо неуверенное владение латышским языком, когда происходит смешение грамматических форм.

20 *Я не могу Вам ээ ... правильно сказать* (латыш.).

языковой ситуации, объяснение собственной стратегии поведения. Обращение на русском языке к незнакомым людям для самого информанта в латгальской среде является стандартным явлением, однако в конкретном случае эта стратегия вызвала неприятие собеседника. Тем не менее, информант не растерялся и перешел на латышский. При этом, моделируя гипотетическое развитие диалога, он воспроизводит предполагаемую фразу собеседника также по-латышски. Сам же диалог является ярким примером цитации, реплики дословно приводятся на том языке, на котором они были произнесены в той ситуации, а комментарий между репликами делается по-русски (*я гру*). Характерно, что в той реплике, которую мог бы произнести собеседник, и которую моделирует информант, заметно неуверенное владение языком, поскольку информант не сразу вспоминает слово *pareizi* (правильно), чему предшествует междометие и длительная пауза. Здесь информант последовательно соблюдает языковые роли диалога: «чужая» фраза приводится на латышском языке. Однако произнесение этой фразы на латышском не соответствует исходной установке, ведь информант ожидал бы от собеседника фразу на русском языке, о чем и заявляет до переключения кода (*если я тебе обратилась на русском, ты хоть на каком-то ломаном скажи*). В конце эта ситуация завершается смехом, который часто используется при маркировании неуверенного использования контактных единиц, либо чтобы оправдать их использование в тексте, когда речь идет о ситуации интервью с исследователями, не принадлежащими к той языковой среде, в которой живет информант. Примеры похожих цитаций в говоре старообрядцев Польши фиксирует М. Глушковский и называет их *modelowa ilustracja sytuacji cytatu* (Głuszkowski 2015: 167).

3.2.2 В другом примере наш собеседник моделирует ситуацию общения в санатории, приводит диалог с соседкой-латышкой по комнате:

- [7] *Шчас объясняю вам, к-, как я говорю, я ежжсаю в санаторию почти каждый год, и мене селят в санаторию всягда, э, с латышкой: – Очэнь приятно, la- lab-, labrūt, labdien, labvakar, būsīm pazīstamī, nu, kā Jūs sauc? mūs sauc (имя) un talāk, i talāk i talāk,²¹ и тада мы говорим половину, что она ня знает, эээ, на латыш-, на ру-, я говорю, на русском, она говорит на латышском, и наоборот, и мы вжсе разьежжсаемся, и уже у нас идет обшэние нормальное.* (Скрудалиенская волость)

Сам диалог обрамляется комментарием, в котором описывается ситуация общения. Начинается диалог с русской фразы, затем используются

21 *До- доб- доброе утро, добрый день, добрый вечер, будем знакомы, ну, как Вас зовут? Нас зовут (имя) и так далее и так далее и так далее (латыш.).* Вероятно, вместо формы *mūs sauc* (латыш. нас зовут) следовало употребить личное местоимение первого лица единственного числа в винительном падеже – *mani sauc* (латыш. меня зовут) (ведь сам информант заявляет, что речь идет о разговоре с одним человеком), что свидетельствует о контаминации форм и неуверенном владении латышском языком.

латышские слова и выражения. Переход на латышский язык маркирован заминкой и колебаниями при произнесении первого слова (*la-*, *lab-*, *labrīt*), после которого следует набор выражений, которые чаще всего используются в подобной ситуации общения. В отличие от предыдущего примера не всегда понятно, кому конкретно из участников диалога какая реплика принадлежит. Приводится стандартный набор фраз, характерный для ситуации знакомства и они могут принадлежать как самому информанту, рассказывающему эту историю, так и его воображаемому собеседнику. Обращает на себя внимание, что под конец латышского высказывания вместо латышского соединительного союза *un* появляется русский аналог – и (*i talāk i talāk*),²² что свидетельствует о смешанном характере языкового общения и не строгом соблюдении языковых ролей, о чем и упоминает сам информант (*что она ня знает, эээ, на латыш-, на ру-, я говорю, на русском, она говорит на латышском, и наоборот*).

3.2.3 В следующем фрагменте также находим пример цитации, однако уже без диалогичной речи: высказывание принадлежит только одному человеку. Что интересно, рассказывается история со слов другого человека, мужа нашей собеседницы, при этом в нарративе присутствует ссылка еще на лицо, от которого муж собеседницы знал подробности истории. Данный нарратив был записан от собеседницы 1921 года рождения, поэтому временные рамки позволяют отнести повествование к 40–50-м гг. XX в. Речь идёт о ситуации, когда мужчин, оставивших жен с детьми, заставляли работать больше, тогда эти деньги шли на содержание детей:

- [8] *Он говорил когда, э, находили тех отцоў который, рябёнку отец, э, ну и съедало что точно яўонный, брали яво, в ответвьнась, отрабатывай деньги, на рябёнка чтоб платить, так говорил, ай! Как идём на обед, всё, в дьвярях: – **papa, dod, dod maizi, papa, dod maizi**,²³ мояму мужу рассказывал так, гаўрит, прямо нет тярьпеня, как тамоко, нада отрабатывать, принудилку таку дают, работай, а деньги и рябёнку идут, раз ня хочешь жить. (Малиновская волость)*

Чтобы подействовать на человека и заставить его «отрабатывать», произносили такую фразу по-латышски (правда, из контекста не совсем ясно, кто конкретно ее произносит, можно предположить, что так делали, чтобы все время напоминать о долге). Можно заключить, что конкретная история происходила в преимущественно латышскоязычной среде. Данная фраза вводится без каких-либо металингвистических сигналов, информант не прибегает к пояснению по ходу высказывания, а просто продолжает пове-

22 Использование русского союза *и* можно также рассмотреть как подготовительный шаг к переходу на русский язык, тем более что он же и используется в начале русского высказывания (*и тада мы говорим ...*).

23 *Папа, дай, дай хлеба, папа, дай хлеба* (латыш.).

ствование.²⁴ Предполагается, что значение должно быть известно присутствующим. Точно так же происходит и в рассмотренных выше примерах: переключение кода не сопровождается комментарием. Если в высказывании [6] можно было бы усмотреть излишний комментарий со стороны информанта, поскольку фраза на латышском языке, по сути, является переводом ранее произнесенного русского предложения (*где находится магазин ...*), то в последующих примерах нет никаких метаязыковых комментариев по этому поводу.

3.2.4 В приводимом ниже фрагменте нет реплик других лиц, фраза на латышском языке принадлежит самому информанту, т.е. может быть отнесена к автоцитации.

[9] *Да, в школе мы учили, это не так, не так сложно, ну, три года как сказать, мы уже говорили с- так, на бытовом уровне свободно говорили, ну бывало потеряешь карандаш, приходишь к учителю и так даже говоришь: – Lūdzu skolotaj, e, я, es pažaudēju savu karandašs/карандаш²⁵ (улыбка), ну и вот они очень, эти, вот была учительница эт... латышка, но она очень любила староверов, вот, так, и очень довольна была нами что, они даже более были такие дисциплинированные, всё это, ну потому что в семьях была, крутая дисциплина. (Даугавпилс)*

Наш собеседник рассказывает о своих школьных годах, обучался он в латышской школе; временные рамки повествования – 30 гг. XX в., т.е. самое хронологически раннее воспоминание в нашем корпусе текстов, содержащее подобное переключение кода. Эта фраза интересна с нескольких аспектов. Во-первых, она приведена намеренно, чтобы проиллюстрировать казусы, которые происходили при овладении латышским языком детьми, выходцами из семей старообрядцев. Вместо латышского слова *zīmulis* информант используется русский аналог – *карандаш* (*karandašs*). И если определение – притяжательное местоимение мужского рода *savs*

24 Необходимо отметить, что фонетический облик приводимых латышских высказываний не соответствует требованиям литературного произношения. В 6 и 7 фрагментах отсутствует долгое произнесение гласных, напр.: *kāpēs*, вместо [каарес] произносится [карес], *pašiāsti*, вместо [pastaasti] произносится [pastasti] [6]; *būsim* вместо [buusim] произносится [bus'ɪm], *talāk* вместо [talaak] произносится [talak] [7] и т.д. В 8 фрагменте в слове *dod* отсутствует дифтонгический характер произнесения гласного *o* [dot]. Кроме того, заметна палатализация согласных перед *i* [maiz'i]. Следует отметить однако, что подобная палатализация присутствует в латгальских диалектах (однако латгальский аналог литературного латышского *maize* – [māiz'ā] (Брейдак 2006: 200)), что в частности, отражается в восприятии латгальской речи старообрядцами этого региона: *в латгальском варианте, когда слушаешь латгальскую речь, она во-первых намного мягче, чем латышская* (Бикерниекская волость).

25 *Учитель* (латыш.), *э, я* (рус.), *я потерял свой* (латыш.) *карандаш* (рус.). Основанием для записи слова *karandašs* при помощи латышской графики, могло бы быть то, что при его произнесении информант делает ударение на первый слог. Тем не менее, мы не можем со стопроцентной уверенностью отнести эту лексику к латышской языковой системе, поэтому приводим два варианта записи.

(свой) – употреблено в винительном падеже единственного числа, то определяемое – *karandašs/карандаш* – остаётся без изменений, т.е. не подчиняется нормам латышской языка (в данном случае должно было быть: *es pažaudēju sav-u*_{ACC.SG.} *karandaš-u*_{ACC.SG.}). Остается вопрос, хотел ли информант подчеркнуть таким образом еще и грамматическую неправильность своего высказывания, либо он совершает здесь непоследовательно согласование без всякого намерения? По всей видимости, в центре его внимания как раз лексема, которая точно известна исследователям и которая в латышской фразе сохраняет свой неизменяемый облик (неодушевленное существительное мужского рода, позиция прямого дополнения без предлога: *я потерял свой карандаш-ø*_{ACC.SG.}), как если бы употреблялась в русском предложении.²⁶ Во-вторых, в приводимой фразе произвольно, после небольшой заминки, происходит использование русской формы личного местоимения первого лица (*я*), однако сразу же реализуется стратегия автокоррекции, после паузы приводится латышский аналог – личное местоимение *es*. О произвольном характере подобного переключения свидетельствует предыдущая фраза информанта, метаязыковой комментарий, предваряющий латышский пример: он собирался продемонстрировать использование русского слова *карандаш* в латышской фразе, о замене местоимений не было же сказано ничего. В-третьих, после произнесения латышской фразы со вставным русским словом информант реагирует снисходительно на подобное языковое смешение. Улыбка информанта подтверждает то, что эффект был достигнут, комическая лингвистическая ситуация должна была подействовать на слушателей. В этом примере мы также не видим стратегии послефразового комментария. Он здесь, по сути, не нужен, поскольку во вводных замечаниях уже была дана установка на то, что следует ожидать от высказывания. Тем не менее, в ситуации общения с исследователями из России, которые скорее всего могут быть не знакомы с латышским языком, подобные комментарии все равно следовало бы ожидать. Вопрос здесь в том, почему это не происходит? По всей видимости, в подобных случаях можно усмотреть скрытую установку на проявление локальной идентичности, главной характеристикой которой является, пусть и редуцированное, владение государственным языком. Таким образом, данные комментарии могут являться маркером, свидетельствующим о собственной локальной идентичности.

3.3 Типичный пример использования цитаций на латышском языке отмечен в жанре этнических анекдотов, где комический эффект достигается не-

26 О похожих случаях частичного согласования в ситуации русско-эстонского билингвизма пишет Zabrodskaja 2009: 369; отмечены они и в ситуации венгерско-сербского, венгерско-словенского и венгерско-украинского двуязычия (Pilipenko 2016).

правильной трактовкой фраз на одном или другом языке или является результатом незнания языка.²⁷ Включение латышских элементов здесь понятно, поскольку призвано создать впечатление диалога, разговора между действующими лицами, говорящими по-латышски и по-русски. Обычно возникает ситуация непонимания между ними. Нужно сказать, что речь в подобных анекдотах всегда идет о стереотипах. Этнические анекдоты относятся к главным социальным практикам в разговоре мультилингвальной, мультикультурной и мультиэтнической группы (Lytra 2007: 382).

3.3.1 Приведем пример известного в Латвии анекдота, рассказанного нашим информантом:

[10] *Ээ работают ээ ... д- два работника, один русский, другой, латыши, латыши что-то там строит, он забивает гвоздь, и говорит: – krievs, padod naglu, он говорит, э, ну это переводится, как ру- «krievs» это русский, «padod naglu» – подай гвоздь, а он такой говорит: – сам ты падла наглая, а когда узнаю, что такое кревс, вообще убью!»²⁸ (Науенская волость)*

В данном случае обыгрывается ситуация непонимания между строителями: на просьбу латыша подать гвоздь, русский реагирует агрессивно, поскольку воспринимает латышскую фразу как оскорбление. При анализе можно выделить несколько уровней. Первая ситуация, которая считается: незнание русскими, проживающими в Латвии латышского языка, вторая ситуация – отождествление бытовых слов с оскорблениями по фонетическим облику: *naglu*_{ACC.SG.} (гвоздь) – наглый. Смысл анекдота может быть понятен только тем, кто владеет двумя языками, поэтому здесь важными являются комментарии информанта, который специально для

27 Несколько латгальских анекдотов, в которых обыгрывается плохое владение русским языком, зафиксировано в работе Kļavinska 2012a: 29–30. В частности, автор приводит анекдот, в котором из-за путаницы меняется характер высказывания: «хозяйка-латгалка обращается к работнику по-русски: *Ješ, ješ, Miška! Paidzjoš v sarai i zdochniš!* (вместо «отдохнѣшь»)» (Kļavinska 2012a: 30). Много анекдотических ситуаций возникает также из-за незнания поляками латгальского языка (Kļavinska 2012b: 570).

28 У данного анекдота есть и латышская версия, в которой также происходит переключение кода, но уже в другую сторону: с латышского на русский язык. При этом никаких комментариев по поводу русской фразы не делается (орфография оригинала сохранена): *Jaunbūvē strādā divi namdari, viens latvietis otrs krievs. Latvietis krieivam: «Ei, krievs, padod naglu». Krievs brīdi padomā un draudošā balsī atbild: «Nu, padla naglij, eto ja ponjal, a kogda uznaju chto oznachajet krievs – ubju»;* <http://www.petitions247.com/forum/post/616511> (19.12.2016) (На новостройке работают два плотника, один латыш, другой русский. Латыш – русскому: «Эй, русский, подай гвоздь». Русский секунду думает и угрожающим голосом отвечает: «Ну, падла наглый, это я понял, а когда узнаю что означает кревс – убью»). Что еще раз подтверждает, что подобные истории могут быть рассказаны и поняты только в аудитории, где знают два языка.

исследователей поясняет, дает перевод латышских слов.²⁹ В этом факте можно усмотреть проявление локальной идентичности, поскольку вряд ли подобные комментарии необходимы в среде, в которой проживает информант. Таким образом, переключение кода в жанре этнических анекдотов позволяет передать языковую ситуацию в юмористическом ключе.

- 4 Типологически сходные явления при цитировании прямой речи, при передаче реплик диалога, нами отмечены в нарративах словенцев, проживающих в провинции Триест региона Фриули-Венеция-Джулия в Италии. Ниже будут представлены два нарратива, записанные в окрестностях столицы провинции – города Триест: в коммуне Дуино-Ауризина-Девин-Набрежина (Duino-Aurisina – Devin-Nabrežina) на Кресе и в коммуне Долина – Сан-Дорлиго-делла-Валле (Dolina – San Dorligo della Valle) в Истрии.³⁰ В первой коммуне согласно данным переписи преобладало италоязычное население, во второй – словенскоязычное, однако сами интервью были сделаны в населенных пунктах, с преобладающей долей словенскоязычного населения. Этот регион по многим социолингвистическим характеристикам сходен с рассматриваемыми районами Латгалии: оба региона являются пограничными со страной, являющейся метрополией для миноритарной славянской группы, представители национального меньшинства проживают компактно на территории всего района (провинции),³¹ на миноритарном языке ведется преподавание в учебных заведениях. Кроме того, сближает их типологическое сходство самих миноритарных языков: русский и словенский языки функционируют в неславянском окружении (латышский и итальянский соответственно). Однако основное отличие состоит в том, что представители титульных групп населения в Триесте не владеют миноритарным языком в отличие от ситуации в Латгалии, что объясняется разной исторической судьбой регионов и проистекающей из этого разной языковой ситуацией.

29 Приведем пример анекдота, или, скорее, юмористического нарратива, представленного в книге (Амосова 2013) (написание и перевод дается по изданию). Инф.: Это анекдот такой был, короче, когда улицу переименовывали, вот, и, значит, теперь, где в Риге была Aizsargu улица, теперь, значит, называли Sarkanarmijas iela (Красноармейская улица, лат.), вот, ну и было в “Jaunākas Ziņas”, в газете, было даже написано – “Kungu nav – ir biedri” (Господ нет – есть товарищи), вот, “Jaunkudzes nav – ir biedrenes” (Барышень нет – есть товарищи), вот, “Žīdu nav – ir ebreji” (Жидов нет – есть евреи), вот. Ну и теперь анекдот, значит, ну, улицу ту переименовали, всё ... но это уже анекдот. Ну и этот ... латыш пьяный говорит: “Bijušā jaunkundze, tagad biedrene, apturiet mani bijušā Aizsargu ielā, nē bijušā žīdu” (Бывшая барышня, теперь товарищ, задержите меня на бывшей улице Айзсаргу, нет, бывшая жидо ... лат.) ..., так сказал, ну да. Короче говоря – дал зн... А! “Bijušā žīdiene” (Бывшая жидовка, лат.), – во он сказал: “Bijušā žīdiene, tagad – ebrejiete” (Бывшая жидовка – теперь еврейка, лат.), во-во-во ... (Вятчина – Иванов 2013: 295). Русское слово *вот*, переданное здесь кириллицей, может встречаться и в латышской разговорной речи.

30 Подробнее о работе в провинции Триест см. Пилипенко 2015.

31 Для них характерно как островное проживание, так и образование непрерывного этнического трансграничного массива.

4.1 В приводимом ниже нарративе Л. рассказывает А., как она ждала автобус на остановке в Триесте. Присутствует также исследователь и третий собеседник. Л. возмущается, что ей подсказали неправильный номер автобуса. Реплики женщины на остановке каждый раз последовательно приводятся на итальянском языке,³² основная рамка рассказа выдержана на словенском, в том числе комментарии и обозначение ролей:

- [11] *Pol sem rekla: – per andarme a ... che numero devo prendere? ne, a ona: – va venticinque e va venticinque, e, cioè di venticinque, o! jebem ti vraga! ma pelje gor! po, po Via Rossetti! potem prišel osemindvajsti in je rekla, ne, piše, deposito via Broletto al kaj? Kaj jaz znan, kam? kej je deposito, pol pride druga, fuori servizio, pol pride petindvajsti, – ma cioè di venticinque! ne, una, a! dol, po, Via Mazzini, na Piazza della Borsa, pol po Corso Ital[ia]!, jaz sem se zgubila, sen rekla, ma jaz če, če ne, mi reče: – no son de quà, eno, – no so, e, ma, kaku ti moreš enga človeka poslat kako če ne znaš?! – scusi, bi rekla, ne, – no so! bi prav bilo, in sem vprašala, autista.*³³ (Коммуна Дунно-Ауризина)

Помимо реплик собеседницы на итальянском языке приводится топонимическая информация – названия улиц города (напр.: *Via Rossetti, Piazza della Borsa* и т.д.), а также информация, содержащаяся на вывеске в автобусе (напр.: *fuori servizio*). Как и в примерах из Латгалии, мы наблюдаем переключение кода при воображаемой ситуации (последние две реплики) (ср. пример [6]). Эти реплики нельзя назвать в строгом смысле цитациями, поскольку они не были произнесены в действительности, а представляют собой желаемое развитие событий с точки зрения информанта. Показательно, что внимание информанта в момент говорения направлено на другого собеседника, жителя соседнего населенного пункта. Вероятно, по этой причине не делаются разъяснения для исследователя, с которым разговор все время ведется по-словенски.

4.2 В другом примере мы также наблюдаем подобные стратегии:

- [12] *Tisti ki sã pãršlã, stano- bivat, ki sã çãpl'e te hiše, to, mi ne znamã nã kdu je nã nãç, jaz znan, anda sen šla pã cestã, sãn rekla, do, e: – buon giorno, sãn re-, mi re-: – ah chi la conosce*

32 При этом заметно влияние местной разговорной итальянской речи: особое произнесение согласного *s* с шипящим призвуком, отпадение конечных согласных *no so* вместо *non so*, гласных – *no(n) son(o)*.

33 И потом я сказала: – чтобы мне доехать в ..., на какой автобус мне нужно сесть (итал.)? Да, а она: – Идет двадцать пятый и идет двадцать шестой, э, и тот двадцать пятый (итал.), о! какого черта! но он едет вверх! по, по Виа Россетти! потом пришел двадцать восьмой и она сказала, да, [на нём] написано, в гараж улица Бролетто (итал.) или что там? я знаю, куда там? где находится гараж (итал.), потом приходит второй, [на нём написано] посадки нет (итал.), потом приходит двадцать пятый, – ну, этот двадцать пятый (итал.)! да, она, а! вниз, по, Виа Маццини, на Пьяцца-делла-Борса, потом по Корсо Итал[ия]-!, я потерялась, ... я сказала, но если я, если не, она мне говорит: – я не отсюда (итал.), так, – я не знаю (итал.), э, но, как ты можешь послать человека если не знаешь?! – извините (итал.), она бы сказала, да, – я не знаю (итал.)! это было бы нормально, и я спросила водителя (итал.).

signora? – lo me scusi, sən rekla, – buon giorno, ne, sən mislila da biva γor, – e chi la conosce? je rekla (усмешка), – *signora lo me scusi, sən rekla*.³⁴ (Коммуна Долина)

Приведен краткий пример неудачного общения с жительницей деревни, итальянкой, которая повела себя нелюбезно с информантом: на приветствие со стороны информанта отреагировала вызывающе. Здесь также последовательно проводится разграничение ролей в диалоге. Интерес вызывает композиция, поскольку ситуация, по сути, разыгрывается два раза и оба раза реплики остаются без изменения. Видно, что информант также не делает метаязыковых комментариев, по всей видимости, потому, что происходит групповое интервью, присутствует пять собеседников, а история явно предназначена односельчанам, некоторые из них слышат об этом случае впервые.

4.3 Следует отметить, что в целом, в корпусе словенских текстов из провинции Триест отмечено больше фактов переключения кода, цитаций и заимствований, чем в корпусе русской речи, собранной в Латгалии. Объясняется это, по всей видимости, большей ролью итальянского языка и более частым его использованием, чем русского – в языковой ситуации в Латгалии, в частности, в Даугавпилсском крае. При этом нельзя исключать, что в исключительно латышскоязычной среде подобных элементов было бы значительно больше. Об этом косвенно свидетельствуют сами информанты:

[13] *В мене родственники живут, в этом самом, в Цесисе, они русские, но они облатышевиши, ... потому что они живут в латышской среде, и вот, они, э, уже со мной придут, говорят, э, на русском, но я другой раз и с ним могу и на латышском.* (Скрудалиенская волость)

Для описания фактов языкового смешения и смены языка информант использует слово «облатышевиши», и далее отмечает, что с родственниками происходит общение в том числе и на латышском языке. Причина состоит в том, что они проживают в регионе Видземе, в городе Цесис, в котором русскоязычного населения чуть больше 10 %. Для фиксации большего по объёму материала, содержащего кодовое переключение, необходимо провести обследование населенных пунктов старообрядцев, расположенных в окружении латышских населенных пунктов.

Большее количество фактов кодового переключения отмечается в ситуациях, когда достаточно малочисленная община находится в окружении мажоритарного языка и когда речь идет о замене языка (как, например, в случае с сербами в Белой Краине (Petrović 2009) или в случае со старообрядцами в

34 Те кто приехали, жит-, ... проживать, кто купили эти дома, это, мы не знаем ни кто они, ни откуда, я знаю, однажды я шла по дороге, я сказала, к, э: – **добрый день** (итал.), я ска-, мне она ска-: **а кто вас знает, синьора** (итал.)? – **прошу меня простить** (итал.), я сказала, – **добрый день** (итал.), да, я думала, что она живет наверху, – **а кто вас знает** (итал.)? она сказала (усмешка), – **синьора прошу меня простить** (итал.), я сказала.

Польше, когда информанты не привыкли порождать длинные высказывания на русском языке, что приводит к постоянному переключению (Głuszkowski 2015: 167)).

- 5 Таким образом, кодовое переключение в корпусе устных текстов старообрядцев Даугавпилсского края Латвии, собранных в результате проведения этнолингвистических и социоллингвистических интервью, фиксируется в ситуации цитирования, передачи чужой и своей речи на латышском языке, хотя большинство информантов среднего и пожилого возраста и говорят о неудовлетворительном знании латышского языка, поскольку живут преимущественно в русском окружении. Характерно оно также для жанра этнического и лингвистического анекдота, что приводит к созданию комического эффекта. Было отмечено, что в других контактных славянско-неславянских ситуациях происходят типологически сходные переключения кода (как, например, в ситуации словенско-итальянского двуязычия в провинции Триест в Италии). Отличие же заключается в объеме и частотности этого лингвистического феномена: у словенцев в Италии оно фиксируется гораздо чаще. Будучи индивидуальным и контекстуальным явлением (каждый факт которого исследователь – участник беседы – должен рассматривать отдельно), кодовое переключение используется в зависимости от внутренних установок говорящего, языковой ситуации, контекста беседы и витальности контактных языков. Важным параметром при анализе кодового переключения является его связь с идентичностью говорящего и окружающих его собеседников и исследователей. Наличие фактов переключения кода в русской речи старообрядцев Латгалии отличает ее от речи соотечественников из других стран.

ЛИТЕРАТУРА

- Амосова 2013** = *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: материалы экспедиций 2011–2012 годов*, отв. ред. С. Амосова, Москва: Сэфер, 2013.
- Белл 1980** = Р. Т. Белл, *Социоллингвистика*, Москва: Международные отношения, 1980.
- Брейдак 2006** = А. Б. Брейдак, Латгальский язык, в: *Языки мира: балтийские языки*, Москва: Academia, 2006, 193–213.
- Волков 2016** = В. В. Волков, Идентичности этнических меньшинств как объект анализа в Латвии в 1991–2014 гг., в: *Европа меньшинств – меньшинства в Европе: этнокультурные, религиозные и языковые группы*, отв. ред. и составители М. Е. Кабицкий – М. Ю. Маргынова, Москва: ИЭА РАН, 2016, 9–42.
- Вятчина – Иванов 2013** = М. Вятчина – В. Иванов, Про еврея колхозника, Никса Ферштейна и русский народный ансамбль: анекдоты о евреях в Латгалии, в: *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: материалы экспедиций 2011–2012 годов*, отв. ред. С. Амосова, Москва: Сэфер, 2013, 285–296.
- Ганенкова (в печати)** = Т. С. Ганенкова, Полевые заметки о языке старообрядцев Латгалии, *Staroobrzędowcy za granicą III: historia, religia, język, kultura*, Toruń (в печати).
- Гриценко 2003** = П. Ю. Гриценко, Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії, в: М. Павлюк – І. Робчук, *Українські говори Румунії: діалектні тексти*, Едмонтон – Львів – Нью-Йорк – Торонто, 2003, I–XVI.

- Заварина 1986** = А. А. Заварина, *Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX в.*, Рига: Зинатне, 1986.
- Клочко – Лигута 2004** = Н. Н. Клочко – Т. В. Лигута, Русский язык в Латвии: социолингвистический профиль ситуации, в: *Вопросы филологии* 17 (2004), № 2, 101–108.
- Королёва 1998** = Е. Е. Королёва, Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса, в: *Valoda: humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi: leksikoloģija, fonētika, gramatika*, Daugavpils: DPU, 1998, 14–24.
- Королёва 2006** = Е. Е. Королёва, Лексика Прейльских говоров староверов (современное состояние), в: *Latvijas Universitātes raksti: 707. sējums: valodniecība*, Rīga, 2006, 7–13.
- Костанди – Кюльмоя 2013** = Е. И. Костанди – И. П. Кюльмоя, О русском языке современной Эстонии, в: *Русский язык зарубежья*, Санкт-Петербург, 2013, 85–106.
- Немченко – Сеницина – Мурникова 1963** = В. Н. Немченко – А. И. Сеницина – Т. Ф. Мурникова, *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*, Рига, 1963.
- Николаева 2012** = Т. М. Николаева, *О чем рассказывают нам тексты?*, Москва: ЯСК, 2012.
- Пилипенко 2010** = Г. П. Пилипенко, Разработка вопросов интерференции и заимствования в лингвистической литературе, в: *Славяноведение* 2010, № 1, 63–74.
- Пилипенко 2015** = Г. П. Пилипенко, Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация, в: *Славянский альманах* 2015, № 3–4, 383–401.
- Пилипенко 2016** = Г. П. Пилипенко, Полевое исследование старообрядцев в Латвии, в: *Славянский альманах* 2016, № 3–4, 504–509.
- Плотникова 2016** = А. А. Плотникова, Об экспедиции к латгальским староверам, в: *Живая старина* 2016, № 4, 50–54.
- Синочкина 2004** = Б. Синочкина, Старообрядцы Литвы: специфика языковой личности, в: *Slavica Helsingensia* 24: *русскоязычный человек в иноязычном окружении*, под ред. А. Мустайоки – Е. Протасовой, Helsinki, 2004, 67–81.
- Auer 1998** = Peter Auer, Introduction to chapter 7, in: *Codeswitching in Conversation*, ed. Peter Auer, London: Routledge, 1998, 153–355.
- Auer 1999** = Peter Auer, From codeswitching via language mixing to fused lects: toward a dynamic typology of bilingual speech, *International Journal of Bilingualism* 3 (1999), no. 4, 309–332.
- Beregszászi 2004** = Anikó Beregszászi, A kárpátaljai magyarok kódváltási szokásairól, in: *Tanulmányok a kárpátaljai magyar nyelvhasználatáról*, szerk. A. Beregszászi – I. Csernicskó, Ungvár: PoliPrint, 2004, 36–44.
- Čekmonas 2001** = Valerij Čekmonas, Russian varieties in the southeastern Baltic area: rural dialects, in: *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact* 54, no.1: *Past and Present*, ed. Ö. Dahl – M. Koptjevskaja-Tamm, 2001, 101–136.
- Dorian 1997** = Nancy C. Dorian, Telling the Monolinguals from the Bilinguals: Unrealistic Code Choices in Direct Quotations within Scottish Gaelic Narratives, *International Journal of Bilingualism* 7 (1997), no. 7, 41–54.
- Głuszkowski 2015** = Michał Głuszkowski, Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce, *Acta Baltico-Slavica* 39 (2015), Warszawa, 159–173.
- Hogan-Brun и др. 2008** = Gabrielle Hogan-Brun – Uldis Ozolins – Meilutė Ramonienė – Mark Rannut, Language Politics and Practice in the Baltic States, in: *Language Planning and Policy in Europe 3: The Baltic States, Ireland and Italy*, ed. by Robert B. Kaplan – Richard B. Baldauf Jr., Clevedon – Buffalo – Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2008, 31–192.
- Iedzīvotāju 2016** = Iedzīvotāju kultūretniskie un migrācijas rādītāji, *Latvijas 2011. gada tautas skaitīšanas rezultāti*, Rīga, 2016, 94–118.
- Ilić 2014** = Marija Ilić, *Discourse and Ethnic Identity: The Case of the Serbs from Hungary*, Berlin – Munich: Otto Sagner Verlag, 2014.
- Kļave 2011** = Evija Kļave, Language choice and usage in social interaction in Latvia: discourse and practice, *Etniškumo studijas = Ethnicity Studies* 2011, no. 1–2, 42–79.
- Kļavinska 2012a** = Antra Kļavinska, Latgaliešu anekdotes: lingvistisko kontaktu izpausmes, *Via Latgalica Humanitāro zinātņu žurnāls* 2012, no. 4, 25–32.

- Kļavinska 2012b** = Antra Kļavinska, Poļaki = Поляки, *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca* = *Лингвотерриториальный словарь Латгалии I*, Rēzekne: Rēzeknes augstskola, 2012, 570–572.
- Lüdi 2004** = Georges Lüdi, Code-Switching, in: *Sociolinguistics = Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and Society = Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft* 1, ed. by Ulrich Ammon – Norbert Dittmar – Klaus J. Mattheier – Peter Trudgill, Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2004, 341–350.
- Lytra 2007** = Vally Lytra, Teasing in contact encounters: frames, participant positions and responses, *Multilingua* 26 (2007), 381–408.
- Metuzāle-Kangere – Ozolins 2005** = Baiba Metuzāle-Kangere – Uldis Ozolins, The language situation in Latvia 1850–2004, *Journal of Baltic Studies* 36 (2005), no. 3, 317–344.
- Nau 2003** = Nicole Nau, Forms of bilingual talk in present-day Riga (<http://www.staff.amu.edu.pl/~naunicol/NNresearch/BilingualRiga.pdf>) (21.01.2017).
- Petrović 2009** = Tanja Petrović, *Srbi u Beloj Krajini: jezička ideologija u procesu zamene jezika*, Beograd: Balkanološki institut, 2009.
- Pilipenko 2016** = Gleb Pilipenko, Hungarian-Slavic Bilingualism in Transcarpathia, Vojvodina and Prekmurje, *Ежегодник финно-угорских исследований* 10 (2016), выпуск 4, Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 20–30.
- Poriņa 2001** = Vineta Poriņa, Code switching between bilinguals in Latvia, *International conference on Language Development «Estonian in Europe»*, Tallinn, 12–14 March, 2001, 69–71.
- Priedīte 2005** = Aija Priedīte, Surveying Language Attitudes and Practices in Latvia, *Journal of multilingual and multicultural development* 26 (2005), no. 5, 409–424.
- Skrujenieks 1938** = Margers Skrujenieks, *Latvijas statistikas atlās: valsts statistiskā pārvalde*, Rīga, 1938.
- Verschik 2005** = Anna Verschik, Russian-Estonian language contacts, linguistic creativity, and convergence: new rules in the making, *Multilingua – Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication* 24 (2005), no. 4, 413–429.
- Zabrodskaja 2009** = Anastassia Zabrodskaja, Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus, *International Journal of Biligualism* 13 (2009), no. 3, 357–377.
- Zentella 1997** = Ana Celia Zentella, *Growing up bilingual*, Oxford: OUP, 1997.

POVZETEK

Kodno preklapljanje v ruskem jeziku starovercev Latgalije (Latvija)

Prispevek obravnava kodno preklapljanje v ruskem jeziku starovercev v Latgaliji (Latvija). Ta pojav v korpusu govorjenih besedil, ki je bil zbran v času terenske raziskave leta 2016 v Daugavpilsu in v daugavpilški pokrajini, ni prav razširjen. Kodno preklapljanje se najpogosteje uporablja pri citiranju tujega ali lastnega govora v latvijščini, čeprav večina sogovornikov meni, da imajo v latvijskem jeziku nizko jezikovno kompetenco, saj živijo v ruskem okolju. Pri citiranju so opazne različne lingvopragmatične strategije. Kodno preklapljanje je značilno tudi za jezikovne šale (vice), v katerih povzroča komični učinek. Podobni pojavi so evidentirani v drugih stičnih slovansko-neslovanskih situacijah kodnega preklapljanja, npr. v primeru slovensko-italijanske dvojezičnosti v Trstu. Razlika med situacijama je v obsegu in pogostnosti tega jezikovnega pojava: pri Slovencih v Italiji je kodno preklapljanje pogostejše. To ni samo jezikoslovni, ampak tudi individualni in kontekstualni jezikovni pojav. Vsako kodno preklapljanje je treba analizirati posebej, pomembna je tudi vloga raziskovalca, ki mora biti med pogovorom nujno prisoten, da bi kasneje lahko analiziral gradivo. Kodno preklapljanje se uporablja odvisno od notranje usmerjenosti govorcev, jezikovne situacije in konteksta pogovora. Avtor tudi meni, da je povezano z identiteto govorcev in raziskovalcev. Prisotnost prvin iz latvijščine v obliki kodnega preklapljanja v ruskem jeziku starovercev v Latgaliji ga loči od ruskega jezika v drugih regijah in državah.